

Annotation

- [Боборыкин Петр Дмитриевич](#)
 - [Петр Боборыкин](#)
 - [Последняя депеша](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
-

Боборыкин Петр Дмитриевич

Последняя депеша

Петр Боборыкин

Последняя депеша

Раздавалось только прерывистое дыхание в полутемноте покоя, где лежал тяжелобольной. Лампочка с абажуром, скрытая в углу, вбок от кровати, завешанной шерстяною материей, еле досылала свет до лица девушки, следившей за дыханием больного. Она стояла у нижней спинки кровати и облокотилась на нее одним локтем.

Сквозь окна без двойных рам и спущенные гардины глухо доносился гул людной улицы огромного города. В камине тлел кокс. По углам комнаты начинало холодеть.

На ночном столике склянки, пузырьки, коробочки, стакан, ложечка -- все перепуталось и говорило о быстрой смене средств за какие-нибудь три-четыре дня.

Не раньше, как в среду, -- шел четвертый день, -- отец этой девушки вернулся вечером с публичной лекции, на бульварах, был возбужден, много и оживленно разговаривал, -- как всегда; у них сидели гости, и только, к самому концу вечера, сказал, что на лекции была ужасная духота и его немного прохватило при выходе.

Ночью открылся сильный жар. На другой день утром стало мучить колотье в правом боку. Кашель, удушье, а потом и бред указывали на воспаление. Как раз приехал днем тот доктор, большая знаменитость, что заезжал, раз в неделю, к ней. Она только что оправилась перед тем от нервного расстройства. Доктор был знаменитостью собственно по нервным и душевным болезням. Он стал лечить и отца.

Опасность сказалась с первого же утра. Доктор не произнес еще названия болезни, но она уже догадывалась, что это воспаление легких, или, по крайней мере одного правого, где было самое сильное колотье.

Дома никто головы не терял. Две ее меньшие сестры: постарше -- от одной с нею матери, а другая -- девочка -- от мачехи, хотели чередоваться с нею и с мачехой около больного, но он их усылал.

Маленькая сестра с первого дня была недовольна тем, как знаменитый доктор начал лечить отца.

-- Он не должен был браться! -- строго говорила она. -- Он знает

хорошо совсем другие болезни. Что он такое сделал? Сейчас поставил банки! Разве ставят банки? Это при Мольере так лечили: пускать кровь!

И старшая сознавала, что это -- правда, хоть и двенадцатилетняя девочка так негодовала. Но отказать доктору никому не пришло в голову: ведь он -- знаменитость и лечит от всяких внутренних болезней. У нее скребло теперь на сердце оттого, что так сделалось по ее вине.

Ведь доктор навещал их только для нее. Не будь ее -- он не приехал бы с визитом, и лечение пошло бы иначе. О консилиуме она было заикнулась, но ей самой стало ужасно страшно. Вчера отец лучше себя чувствовал; весь день не впадал в забытие, меньше кашлял, говорил со всеми, шутил. Они все обрадовались. Сегодня, с утра, пошло хуже да хуже. Доктор был два раза: но его лицу, ужимке губ, по взгляду, точно тайком брошенному сегодня вечером на больного, она поняла всю глубину опасности.

Доктор, уходя, произнес слово: "кризис", -- слово, ничего не говорящее и страшное. Кризис должен произойти в ночь или к утру. А ночь уже началась. Она знает, что если к утру отцу лучше не будет, тогда все уже поздно. И тогда-то и пригласят на консилиум еще двух-трех знаменитостей.

Строгое, красивое, не очень уже молодое лицо девушки вытянулось от двух ночей без сна. Нос с горбиной передал ей отец, и большие голубые глаза, и широкие темно-русые брови. Она смотрит в полутьму, силится, в совершенной темноте полога, разглядеть дорогие черты. Овал головы выступает; густые волосы с проседью разметались. Голова лежит навзничь, но обернулась немного влево, к стене. Ворот мягкой рубашки поднялся и резко отделяется от темноты полога. Теперь она видит, что глаза только полузакрыты и рот -- также. Дыхание идет ртом, тревожно, с особым звуком, хватающим ее за душу.

Одеяло плотно, как всегда во французских постелях, покрывает грудь больного до подмышек. Одна рука -- правая -- выбилась наружу и, нет-нет, поднимается и делает жесты.

Это опять начало бреда.

"Неужели его не станет завтра, послезавтра? -- думает дочь. -- Еще в среду его разговор так искрился!.. Кто бы сказал тогда, что ему уже под шестьдесят? Да и какой это возраст для людей, как он?"

Она думала об этом почти спокойно. Мысль о смерти не вставала еще перед нею, как холодящее ощущение, а только как смутная возможность.

Ее мучило гораздо более то, что "из-за нее" "специалист совсем по другим болезням" начал лечить и его; и ни у кого не достало духу или ума, находчивости отстранить его. На маленькую ее сестру прикрикнули даже

за ее "умничанье" за то, что она нашла банки "допотопным лечением".

Кризис назревал. Что-то делается в этом правом легком? Нет ли в нем и теперь уже нарыва? Тогда -- конец.

II

Больной сделал движение. Девушка нагнулась.

-- Что такое, что такое?..

Он спросил испуганно и поднял голову в полузабытьи.

-- Это я.

-- Дешеша есть?

-- Не принесли еще.

-- Ну вот, ну вот!

Он хотел, кажется, совсем выпрямиться, но сил у него не хватало. Голова беспомощно упала на подушку: одной -- правой -- рукой попробовал он сделать неопределенный жест.

И опять впал в забытьи.

Вечерняя дешеша запоздала. Утром была уже одна. Как только он выходил из забытьи, первый его вопрос: "Дешеша есть?"

Там, на Женевском озере, лежит больной его друг. "Но у того старая, запущенная болезнь, приковавшая его к постели надолго", -- почти с завистью подумала девушка.

Но ей не стало обидно ни за себя, ни за остальных домашних, что отец и в тяжелой болезни думает только о своем "Николе". Он всех их любит, -- мысленно она выговорила "любил", -- и брата, и ее: сколько тяжелых забот положил на ее воспитание, болезни; чему ни учил, куда ни возил? И меньших сестер -- также, особенно самую меньшую, от второй жены.

Но "Николя" -- это нечто особенное! А ведь он просто приятель, чужой по крови. Такой дружбы она никогда не видывала, да и не читала нигде в книжках. Между ними встала женщина. Другие бы подставили друг другу грудь на дуэли, а тут один уступил другому права мужа. Иначе и не могло быть при таком чувстве...

Девушка, от усталости, опустилась на низкий табурет, позади кровати, но, голова ее была возбуждена.

Необычайная дружба ее отца с его "духовным" братом повела ее теперь к думе о той стране, откуда ее вывезли годовалым ребенком. Это --

ее родина, а увидит ли она ее когда-нибудь? При жизни отца, конечно, нет!.. Она и не хочет этого. Пускай она никогда не вернется на родину, только бы жил он...

Но эта родина -- живая, перед нею, в его лице. Отец ее приехал оттуда совсем готовым человеком, большим талантом, блестящим, несравненным писателем, и привез с собою то, чем его сделала родина, и тот город, где он родился, где учился, где с отроческих лет полюбил своего "Николю".

Все его рассказы о том времени именно теперь приходили ей на память, и всего ярче выяснились в голове годы студенчества и первой любви, женитьбы, приятельского кружка перед давно и страстно желанной поездкой в Европу...

Быть может, никогда не попадет она туда, в старую русскую столицу, -- ее что-то уверяет в этом, -- а она отсюда видит все места -- в городе и в окрестностях его -- особенно за городом. Она видит деревенский дом на пригорке, в стороне от шоссе, -- позднее там же прошла и железная дорога, -- с садом, над обрывом, с живописными холмами и лощинами вокруг. Приятельская пирушка на воздухе затянулась. Справляют день рожденья... или провожали кого-то: все равно, -- случаев бывало много. Какие споры, сколько идей и блеска, пыла, веселости, надежд!.. Вино пили щедро. Один из приятелей, доктор, хохочет раскатистым смехом, страшным для непривычного слуха, на всех кричит, всем командует, и все его слушаются, и всем весело от выходок чудака...

Им становилось нестерпимо в тогдашней жизни; они задыхались, страдали душой; а время, все-таки, было чудное. Беззаветная, лучезарная дружба ее отца с его "Николей" и тогда поднималась надо всем, что двое посторонних мужчин могут испытывать друг к другу...

Почему же так?

Должно быть, их "поколение" не так чувствовало, как теперешние? Где у ней самой, в ее девичьей жизни, что-нибудь похожее? А она уже пожила на свете, ей идет двадцать шестой год; еще два-три года, и она -- "старая дева". Оттого-то им -- этим людям "сороковых годов" -- так особенно и жилось. Нужды нет, что многие поплатились за свои идеи и упования... Скольких разбросало по свету: тех сослали, эти ведут скитальческую жизнь на чужой стороне; никто не сделал карьеры.

Зато все почти, кто остался верен себе, сойдут в могилу с именем...

"Но что имя, когда живой человек перестанет дышать?.."

Она вся вздрогнула: побоялась, что ее душа перейдет в сон...

"Что -- слава, когда вот тут, на этой постели, будет лежать холодеющее тело?.."

И это может быть. Неужели -- завтра?

Она быстро закрыла лицо ладонями и почти зажала себе рот, чтобы не разрыдаться.

Но на душе у нее, сквозь едкую боль, смешанную с ужасом смерти отца, просвечивало что-то, вызванное теплою думой о чудной дружбе людей "того" поколения. Все переживает такое чувство: и страсть к любимой женщине, и славу, и даже кровную связь с детьми... Она не ревновала к другу за ежедневные депеши отца. С какой радостью села бы она около кровати и стала бы писать текст телеграммы, под его диктовку, как делала сегодня, уже два раза, и вчера также, если б это не было ему так вредно; а удержать его нельзя: он не может отказаться от такого высшего наслаждения...

III

Дверь тихонько отворилась. В спальню проскользнула девочка лет двенадцати, рослая, белокурая, с крупным ртом, в темной шерстяной блузе, перетянутой широким кожаным кушаком.

Она беззвучно подбежала к старшей сестре, села к ней на колени, озиралась на больного и стала спрашивать ее так тихо, что та понимала ее больше по движениям губ.

-- Спит?

-- В забытьи.

-- Бредит?

-- Почти нет.

-- О чем спрашивал?

-- О депеше.

-- Нет депеши: вчера пришла в четверть восьмого, а сегодня нет! -- сказала девочка и сдвинула свои тонкие брови.

Она помолчала несколько секунд и начала, уже от себя, рассказывать порывисто, но отчетливо, и все таким же еле слышным шепотом.

-- Я умоляла маму послать депешу брату, а она не согласилась; говорит: "Что его напрасно пугать?.."

-- Она права, -- строго выговорила старшая сестра.

-- Надеется на кризис!..

Это слово обдало старшую холодом.

Девочка повела губами.

-- Я ему не доверяю...

-- Кому?

-- Да доктору! Кризис! Фраза! -- прибавила она совсем как большая.

Они помолчали.

-- Порошок принял?

-- Принял.

-- Ах, хоть бы пришла депеша! Это его опять оживит...

И, отвечая на свою мысль, она сказала медленно:

-- Не все его так любят... из друзей...

-- А что?

-- Да вот... заходил тот...

Она назвала имя старинного приятеля отца, жившего также за границей, с которым он был, одно время, в ссоре, но незадолго до болезни помирился.

-- Мама при мне ему говорит, -- продолжала девочка и держала свое лицо совсем плотно к лицу сестры, -- говорит ему: "Послушайте, вы мне раз как-то сказали, что у вас, из русских, было только два самых дорогих человека: он, -- девочка повернула немного голову к кровати, -- и тот еще"... ну, ты знаешь... критик?..

-- Знаю.

-- Мама его и просила -- я весь разговор слышала: "Останьтесь до завтра, -- доктор объявил, что завтра -- кризис, -- что вам стоит подождать до завтра? Одно из двух: или он встанет, или"...

Девочка побледнела, схватила руку сестры и сильно пожалала ее.

-- И что же?

-- Мама еще ему сказала: "Ведь вы будете упрекать себя, если вдруг вы его никогда не увидите"...

-- Не говори так!

-- Кажется, это на всякого бы подействовало!

-- Неужели... не захотел?

-- Простился!

Губы девочки сложились в горькую усмешку.

-- Вот так друг! -- более резким шепотом выговорила она.

-- Почем знать?.. Он не мог, -- сказала старшая сестра: она всегда боялась осуждать других.

-- Это ясно! -- решила девочка. -- И пускай его! И не надо! Только вот папа, бывало, хвалит все свое, -- она недолго искала слова, -- свое поколение!..

Ее развитость не по летам давно приучила ее к таким словам.

-- Вот тебе и поколение, и друзья!.. Кто из нас на это способен?..

Слова ее, проговоренные шепотом, вызвали в старшей опять думу о дружбе отца, о том поколений, что девочка сейчас так искренно обличала... Стало -- это все было там в гостиной, полчаса тому назад? Стало -- и ее отец может быть для приятелей, для тех, кто так долго шел с ним рука об руку, настолько безразличным, что не хочется даже переночевать, чтобы узнать: остался он жив, или нет?!

"И пускай его! -- повторила она слова своей сестренки -- меткие слова. -- И не надо!" Пусть одна, только дружба -- та, про которую отец

любил произносить стихи Пушкина, когда говорил о "союзе" с близкими сердцу: "Он как душа -- неразделим и вечен!" -- пусть дружба эта греет его, и освещает, и призовет опять к жизни!..

Слезы показались на ее ресницах.

-- Мы его спасем! -- страстно зашептала девочка и прижалась к ней. -- Только ты пошла бы спать... милая! Оставь меня. Я насилу прогнала маму. Она на ногах не стояла... Но я прогнала!..

-- Тсс!..

Больной повернулся, но не просыпался. Девочка опустилась с колен сестры, стала на цыпочках у спинки и глядела в темноту полога. Обе они притаили дыхание. В комнате слышалось тиканье часов на камине, да потрескивание догорающих углей.

Он начал бредить. Обе дочери прислушивались. Сначала они ничего не могли разобрать. Как будто он от кого-то отбивался. Он произносил слабые звуки, кажется, по-русски; но ни одного слова им не удавалось схватить.

IV

Минуты через две голос стал крепчать; произношение было уже разборчивее.

-- Ты выше! -- бредил больной. -- Ты выше... да! Ах, Коля! -- громко вздохнул он. -- Нет, не говори: императив...

-- Что такое? -- спросила девочка.

Она не поняла слова: "императив".

Старшая остановила ее движением головы.

-- Никто, никто в мире не способен... Один -- ты! Простил, и все отдал, все!..

Они слушали, и каждое слово, подхваченное на лету, открывало им смысл: для одной -- совсем ясный, для другой -- смутно понимаемый; но и она знала если не о чем, то о ком бредит отец.

Вдруг он запел. Это их испугало. Что-то заунывное, как будто со словами. Голос вытягивался в длинную и жалобную ноту. И точно он хотел схватить напев и никак не мог сделать это сразу.

Во мгле комнаты это пение звучало и страшно, и жалко. Никогда они не слыхали, чтобы отец что-нибудь напевал, хоть и был такого живого характера. Это пение несло им с собою предчувствие близкого конца...

Пение оборвалось. Старшая дочь сидела на стуле с опущенной головой. Девочка положила ей на колени свою голову и удерживала рыдания.

-- Кто здесь? -- спросил больной твердо, и поднял голову.

-- Я, -- ответила старшая дочь.

-- Одна?

-- Здесь и Лили.

-- А-а!

Девочка выскочила из-за угла кровати и прильнула к изголовью.

-- Папа, -- зашептала она.

-- Ну, что... вертунья?..

Он приласкал ее, погладив по мягким и густым волосам.

-- Тебе лучше... скажи?

-- Лучше.

Он ответил это так твердо, что старшая, -- она тоже вышла из-за кровати, -- радостно вскинула ресницами.

-- Тебе хорошо? -- спросила она у кровати. -- Надо еще порошок...

-- Знаю.

Он поморщился. Лицо его показалось им обеим совсем здоровым, с румянцем, с блеском в возбужденных глазах.

-- А депеша? -- спросил он и совсем сел в постели.

Девочка подложила ему за спину подушку.

-- Депеши еще нет, папа, -- сказала она первая.

Ее сестра готовила лекарство.

-- Как же это? -- почти жалобно выговорил он и стал оглядываться. -- Ему хуже?

От беспокойства его глаза потемнели.

-- Дали бы знать, папа, -- подсказала девочка.

-- Я сам спрошу его... депешей!

Опять к нему вернулось возбуждение. Он подперся правым локтем о подушку.

Старшая дочь поднесла ему лекарство. Он, без гримасы, выпил и сам поставил рюмку на столик, улыбнулся им обеим и сложил руки на груди.

Это была его любимая поза: стоял ли он или сидел, особенно когда что-нибудь слушал со вниманием и сочувствием. Она обрадовалась этой позе, и ей не стало уже страшно за то, что он будет громко говорить ей текст депеши и утомится.

-- Не диктуй, папа! Послушайся меня! Мы сейчас пошлем, спросим... и с ответом...

Старшая молчала и только просительно взглядывала на него.

-- Садись, -- приказал ей отец, -- пиши карандашом!

Выговаривал он хорошо, без той прерывистой передышки, как во сне. Она села у лампы.

-- Ты готова? -- спросил он.

-- Готова.

"Умру я или останусь в живых, -- диктовал он ей, и голос его вздрагивал от силы чувства, -- тебе шлю я свой привет, вечный, -- тот, что должен пережить меня и витать над тобою всегда, согревать тебя, бесценный друг и брат мой..."

Ему недоставало воздуха. Он закашлялся.

-- Папа! -- звуком тихой мольбы выговорила девушка и подняла голову от бумаги.

-- Пиши!

Новый прилив возбуждения овладел им.

"Твой образ, твоя ангельская доброта мирят меня со всем, что я видел среди людей и в себе в первом: мелкого, возмутительного, грязного и хищного. Мне сладко мое преклонение перед твоей святою личностью. Откликнись, хоть еще раз, на мой призыв, одним словечком откликнись! Я жду твоей масличной ветви в моем предсмертном ковчеге..."

Рука девушки летала по странице. Он диктовал по-русски; она передавала по-французски: потребность его души сказалась в этом предпочтении родного языка.

-- Ты устал! Будет! -- шепнула девочка, все еще у его изголовья.

"Ты один... твой голос... и способен, быть может, вернуть меня к жизни. Прощай, Никола!.."

Внезапно голос его оборвался, и голова упала на подушку. Девочка испуганно вскрикнула. Старшая дочь бросилась к кровати.

В груди дыхание вызывало хрип. Правая рука стала тянуть к себе одеяло...

Агония началась.

Исходник здесь: [Фонарь](#). Иллюстрированный художественно-литературный журнал.